

# ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

---

Научная статья  
УДК 82  
DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-6-11

## ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В ТЕКСТАХ БУРЯТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© **Исаков Александр Викторович**  
стажёр-исследователь,  
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН  
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6  
alexandr\_isakov98@vk.com

**Аннотация.** В статье рассматриваются иноязычные включения в текстах бурятской литературы XX–XXI вв., созданных на бурятском и русском языках. Установлено, что в произведениях на бурятском языке встречаются фрагменты русской и монгольской речи, а в текстах русскоязычной бурятской литературы можно встретить бурятоязычные вкрапления. Чаще всего иноязычные включения представлены прямой речью отдельных персонажей. С точки зрения семантики иноязычная речь становится способом этнокультурной идентификации в системе координат «свой-чужой»: в текстах на бурятском языке она маркирует иноэтничных персонажей и инокультурное пространство, а в текстах русскоязычной литературы вкрапления на бурятском языке, наоборот, выступают маркером своего этнокультурного пространства. Можно говорить об иноязычных включениях как об одном из проявлений культурной трансграничности бурятской литературы и сложной идентичности её авторов, связанной в том числе с опытом дву- и многоязычия.

**Ключевые слова:** полилингвальность, литературное пограничье, этнокультурная идентификация, маркер идентичности, бурятско-русское двуязычие.

## FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN THE TEXTS OF BURYAT LITERATURE

**Alexandr V. Isakov**  
trainee researcher  
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS  
6, Sakhyanovoy St., 670047 Ulan-Ude, Russia  
alexandr\_isakov98@vk.com

**Abstract.** The article deals with foreign language inclusions in the texts of the Buryat literature of the 20–21th centuries, created in the Buryat and Russian languages. It has been established that in the works in the Buryat language there are fragments of Russian and Mongolian speech, and in the texts of the Russian-language Buryat literature one can find Buryat inclusions. Most often, foreign-language inclusions are represented by the direct speech of individual characters. From the point of view of semantics, foreign language speech becomes a way of ethnocultural identification in the “friend or foe” coordinate sys-

tem: in texts in the Buryat language, it marks characters of other ethnicities and cultural space, and in the texts of Russian-language literature, blotches in the Buryat language, on the contrary, act as a marker of their own ethnocultural space. One can speak of foreign language inclusions as one of the manifestations of the cultural transboundary nature of Buryat literature and the complex identity of its authors, which is associated, among other things, with the experience of bilingualism and multilingualism.

**Keywords:** polylingualism, literary frontier, ethnocultural identification, identity marker, Buryat-Russian bilingualism.

### **Благодарности**

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»).

В современном литературоведении утвердился взгляд на бурятскую литературу как на полилингвальную литературную традицию. Со времени своего возникновения в качестве обособленной литературы в XVII–XVIII вв. бурятская литература развивалась в условиях культурного пограничья и связанного с этим многоязычия. Сначала в ней использовались одновременно монгольский и тибетский языки, а с XX века — собственно бурятский и русский. В свете этого мы выделяем бурятскую литературу, создававшуюся на классическом письменном монгольском языке, тибетоязычную, бурятоязычную и русскоязычную бурятскую литературу. Однако полилингвальность бурятской литературы проявляется не только в существовании внутри неё разных языковых сегментов, представленных произведениями на соответствующем языке, но и в использовании различных языков в пределах одного произведения. В таких случаях речь идёт о включении в текст фрагментов, написанных на языке, отличном от языка основной части текста. Именно такие иноязычные включения в текстах бурятской литературы мы и хотели бы рассмотреть в данной статье.

Проблема иноязычных включений (иначе их называют вкраплениями) в текстах художественной литературы уже поднималась в работах отечественных филологов. Исследователи отмечают связь иноязычных вкраплений с характером межнациональных связей того или иного периода, а также с выразительным потенциалом иноязычных фрагментов: они помогают найти наиболее адекватную форму для той или иной мысли, в том числе в виде клишированных выражений, охарактеризовать национальную и социальную специфику речи персонажа [10; 14]. Также иноязычные вкрапления, отражающие речевые привычки определённой социальной группы [3], могут служить созданию особой «доверительной» атмосферы диалога между автором и читателем текста, как это происходит, например, в текстах А. С. Пушкина [10]. Кроме того, обнаруживается интертекстуальный характер некоторых иноязычных включений [5]. Исследователи новейшей литературы связывают иноязычные включения со сложностью языковой личности современного автора, его множественной культурной идентичностью и говорят о формировании полилингвального дискурса в современной глобализированной литературе [4; 13]. При этом иноязычные включения в текстах бурятской литературы до сих пор не становились предметом специального рассмотрения.

Цель настоящего исследования — описать характер иноязычных включений в текстах бурятской литературы, в том числе спектр используемых языков, способы репрезентации иноязычной речи, семантику иноязычных включений в контексте общего замысла произведения. Под иноязычными включениями мы будем подразумевать иноязычные фрагменты текста, обладающие внутренней синтаксической связностью — то есть мы исключаем из круга нашего рассмотрения интегрированные в речь иноязычные слова и устойчивые выражения, иначе объектом нашего внимания мог бы стать любой текст, содержащий лексические заимствования. Материалом исследования служат произведения бурятской литературы XX–XXI вв., написанные на бурятском и русском языках и содержащие включения иноязычной речи.

Следует отдельно рассматривать иноязычные включения в текстах литературы на бурятском языке и в русскоязычной бурятской литературе. Начнём с первой группы текстов.

Чаще всего иноязычные включения в бурятской литературе представлены фрагментами на русском языке. Впервые они появляются в драматургии начала XX века. Например, в пьесах Базара Барадина, созданных на рубеже 1910–1920-х гг., мы находим реплики персонажей, написанные на русском языке. В «Истории бурятской литературы» отмечается новаторский характер этой находки Б. Барадина [9, с. 93]. По-русски в пьесах говорят русские персонажи — чиновники в пьесе «Шойжид» (1918), казаки и Пётр I в пьесе «Великая сестрица-шаманка» («Ехэ абжаа удаган», 1921). Очевидно, что иноязычие позволяет выделить этих персонажей, показать их этническое отличие от бурят. В пьесе «Шойжид» также есть русскоязычные реплики бурятских персонажей, которые обращаются к русским чиновникам «на чудовищно звучащем русско-бурятском слэнге» [9, с. 93], например: «Баша пербосходительство, баша желани исполнить нада ингодинска земли оддать баш окончательн эршили» [1, с. 31]. В русскоязычной речи бурятских персонажей отражена интерференция их родного языка, проявляющаяся в замене и перестановке некоторых звуков, специфическом порядке слов. Русскоязычные включения высвечивают основную тему обеих пьес Б. Барадина — межнациональные отношения бурят и русских. Русскоязычные включения, контрастирующие с основным текстом на бурятском языке, помогают ярче изобразить вторжение чужой культуры в пространство бурятского народа и показать установление межкультурного диалога, участники которого буквально говорят на разных языках. Тем же образом русский язык используется в произведениях других бурятских драматургов 1910–1920-х гг., например, в пьесе Сергея Балдаева (Абгайн Тургэна) «Торжество правды» («Үнэнэй баяр», 1927), что позволяет нам сделать вывод о распространённости этой практики в литературе того времени.

Такой приём можно обнаружить и в современной бурятской литературе, например, в творчестве Валерия Басаа. Так, в его пьесе «Представитель Далай-ламы» («Далай ламын түлөөлэгшэ», 2015), посвящённой биографии известного политического и религиозного деятеля Агвана Доржиева, есть целые эпизоды, в которых герои общаются на русском языке. Это эпизоды, действие которых происходит при дворе российского императора, эпизод встречи главного героя с Лениным, а также сцена ареста Агвана Доржиева сотрудником НКВД. Иноязычие

здесь маркирует чужое, инокультурное пространство, в котором оказывается и с которым взаимодействует герой.

Кроме включений на русском языке, в современной бурятоязычной литературе встречаются фрагменты монгольской речи, точнее — попытки её изображения. По всей видимости, первой к такому приёму прибегла Цырен-Дулма Дондокова в романе «Хоринские княгини» («Хорин хатад», 2001). Одна из частей романа посвящена истории легендарной Бальжин-хатан, выданной замуж за сына солонгутского хана. Жених и его родственники говорят на монгольском языке. Правда, время от времени в речи этих персонажей встречаются бурятские формы слов или формы-гибриды, например: «Балжин, чи минь, чинии ухаан хүүхэнэй ухаанаас хэтэрсэн байна. Хаани ордон чадар гүйхэ ухаан байн. Чи бидэ хоёрой хуби заяан нэгэдэхэ гэсэн зарлигтай байн. Чи юу гэж бодожо байнач. Намда хэлэ» [7, с. 129]. Видно, что писательница стремилась показать иноязычие данных персонажей, но отталкивалась при этом от бурятского языка, несистематически изменяя звучание слов «на монгольский манер».

Интересно, что способ изображения монгольской речи в романе Ц.-Д. Дондоковой оказался востребован и в последующей литературе. В. Басаа обращается к нему в пьесах «Бальжин-хатан» (2020), написанной в том числе по мотивам указанного романа, и «Сострадание» («Энэрэл хайра», 2017). В последней пьесе часть действия происходит в Монголии XX–XXI вв., и монгольские персонажи обладают в ней такой же «гибридной» монгольско-бурятской речью (далее курсивом отмечены монгольские черты): «Харин доктор Магсаржав гуай Монголын Түв аймагын Борнуур сүмдэ Лхамасүрэн гуайн ногоочодын даргаар ажалласаниг мэдээ» [2, с. 16–17]. Здесь мы имеем дело с особой формой иноязычных включений, которые представляют собой не столько иноязычную речь саму по себе, сколько её изображение с помощью узнаваемых черт грамматики и фонетики, отличающий монгольский язык от бурятского. Подобные включения позволяют одновременно выделить монгольских персонажей как представителей иного этноса и в то же время показать их как представителей родственного народа, чей язык интуитивно понятен бурятам.

Перейдём к иноязычным включениям в русскоязычных текстах. В ряде произведений русскоязычных бурятских писателей мы обнаруживаем бурятоязычные включения. Как и в рассмотренных выше случаях, это чаще всего реплики персонажей. Так, например, в повести Бориса Хадеева «Деревянная лошадка Модын Унган» (2019) персонажи время от времени произносят реплики на бурятском языке, причём воспроизводится его диалектное, характерное для родины автора, звучание: «Ялэбдо! Хыргылэбдо!», «Тынды юмдэ?», «Ины юмдо?» [12, с. 10, 13, 16]. Учитывая транскультурный характер русскоязычной бурятской литературы, её адресованность сразу двум кругам читателей — бурятскому и русскому, мы можем предполагать два варианта восприятия подобных бурятоязычных включений. Для русскоязычного читателя небурятской национальности эти включения будут показателем чужого этнического мира, а для бурятского читателя — наоборот, знаком принадлежности героя к своей, бурятской культуре.

Особенно значимую роль играют бурятоязычные включения в цикле рассказов Булата Молонова (Мобу) «Танец орла» (2014). В этом автобиографическом произведении с повествованием от первого лица регулярно можно встретить реплики героев на бурятском языке, а также бурятоязычные вкрапления в речи по-

вестователя, например: «за моей спиной идет толпа девочек младше меня на год, живущих в моей стороне, то есть – *хургуулиhaа зүүлжээ*», «у меня был бурятский дэгэл, *хүгшэн эжын оёһон*», «жила она по соседству с моим *хүгшэн баабайтай*» [7, с. 17–18]. Сквозная тема рассказов Б. Молонова — духовная связь человека с его родиной и родной культурой, и бурятоязычные включения в русскоязычном тексте помогают подчеркнуть, что герой в мире глобальной культуры не теряет связи с родным языком. Необходимо заметить, что спонтанный переход с русского на бурятский язык и обратно в речи персонажей книги Б. Молонова отражает реальную речевую практику современных бурят, в которой такое переключение языковых кодов стало обычным [5, с. 51–71]. Узнаваемые речевые привычки, связанные с русско-бурятским двуязычием, становятся в произведениях Б. Молонова маркером идентичности, способом опознавания представителей своей культуры.

Таким образом, иноязычные включения являются примечательной особенностью ряда произведений бурятской литературы XX–XXI вв. В произведениях на бурятском языке встречаются фрагменты русской и монгольской речи, в текстах русскоязычной бурятской литературы можно встретить бурятоязычные вкрапления. Чаще всего иноязычные включения представлены прямой речью отдельных персонажей. Кроме нормативной литературной формы, иноязычная речь может быть представлена диалектной формой (бурятская речь в некоторых русскоязычных произведениях), речью на неродном языке (русскоязычные реплики бурят в пьесах начала XX века), подражанием речи на родственном языке (речь монгольских персонажей в бурятоязычных произведениях). С точки зрения семантики иноязычная речь становится способом этнокультурной идентификации в системе координат «свой-чужой». В текстах на бурятском языке иноязычная речь маркирует иноэтнических персонажей и инокультурное пространство, при этом монгольская речь также несёт в себе указание на этническое родство бурят и монголов. В текстах русскоязычной литературы вкрапления на бурятском языке, наоборот, выступают маркером своего этнокультурного пространства, позволяя идентифицировать говорящего персонажа и текст в целом с бурятской культурой.

В целом иноязычные включения можно рассматривать как одно из проявлений культурной трансграничности бурятской литературы и сложной идентичности её авторов. Благодаря полилингвальному опыту, их стилистический инструментарий не ограничен одним языком, а включает также возможность художественного использования иноязычной речи. Думается, что этот факт должен быть учтён в дальнейших исследованиях бурятской литературы в культурологическом и языковом аспектах.

#### *Литература*

1. Барадин Б. Б. Зүжэгүүд. Улан-Удэ: Сибирь, 1993. 130 с. Текст: непосредственный.
2. Басаа В. Гүн эдхэлэй урасхал. Улаан-Үдэ: «Уласай типографи» гэхэн хуби ниилүүлэн бүлгэм. 240 х. Текст: непосредственный.
3. Богданова-Бегларян Н. В., Завадская Ю. О. Судьба слова заморского: о функционировании заимствования флешбэк в русскоязычном дискурсе // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Вып. 1. С. 3–11. Текст: непосредственный.

4. Большакова Т. И. Иноязычные вкрапления в художественных произведениях В. П. Аксёнова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Воронеж, 2008. 26 с. Текст: непосредственный.
5. Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект / П. П. Дашинимаева, Г. А. Дырхеева, Ж. Б. Жалсанова, Э. В. Хилханова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 166 с. Текст: непосредственный.
6. Давыдова К. В., Егорова О. Н. Билингвизм как средство интертекстуального воздействия в современных английских художественных гипертекстовых фрагментах // Культурное наследие древних и национальных языков в период глобализации. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2018. С. 68–73. Текст: непосредственный.
7. Дондокова Ц.-Д. Хориин хатад. Улаан-Удэ : Бураад үнэн, 2001. 167 н. Текст: непосредственный.
8. Мобу. Танец орла. Улан-Удэ: Бураад-Монгол Ном, 2014. 192 с. Текст: непосредственный.
9. Найдаков В. Ц., Соктоев А. Б., Туденов Г. О. История бурятской литературы 1917–1955 гг. Ч. 1. Становление бурятской советской литературы (1917–1940 гг.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 256 с. Текст: непосредственный.
10. Кожевникова М. А. Иноязычные вкрапления как компонент художественного текста (историографический аспект) // Филология и человек. 2011. № 4. С. 192–200. Текст: непосредственный.
11. Сидорова О. Г. Англоязычные вкрапления в текстах А. С. Пушкина // Известия Уральского государственного университета. 1999. № 11. С. 69–74. Текст: непосредственный.
12. Хадеев Б. А. Деревянная лошадка Модон Унган. Иркутск: Репроцентр+, 2021. 426 с. Текст: непосредственный.
13. Хромова Е. О. Полилингвальность в современном литературном дискурсе (на материале романов А. А. Макушинского и В. Г. Зебальда): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2019. 23 с. Текст: непосредственный.
14. Чернец Л. В. Иноязычная речь в художественном произведении // Русская словесность. 2004. № 7. URL: [https://literary.ru/literary.ru/how\\_archives.php?subaction=showfull&id=1206021300&archive=1206184486&start\\_from=&ucat=&](https://literary.ru/literary.ru/how_archives.php?subaction=showfull&id=1206021300&archive=1206184486&start_from=&ucat=&) (дата обращения: 25.03.2023). Текст: электронный.

Научная статья  
УДК 81.512.37  
DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-11-16

## **ОВЦЕВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ**

© **Джунгурова Валерия Николаевна**  
ассистент кафедры германской филологии,  
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова  
Россия, 35800, г. Элиста, ул. Пушкина, 11  
[valerie86@list.ru](mailto:valerie86@list.ru)

**Аннотация.** Статья посвящена наиболее малоизученной области в калмыцком языке — отраслевой лексике. В данной статье рассматривается лексика скотоводства калмыцкого языка, в частности связанная с овцеводством. Даны половозрастные названия барана, овцы, ягненка, термины, характеризующие породу овец, ее физиче-